

Селезнева Наталья Викторовна

К ВОПРОСУ О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ СЛОВА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ ЖИЛИЩ)

В статье на материале двух типологически различных языков - русского и китайского - анализирует такое языковое явление, как внутренняя форма слова. Автор сосредотачивает внимание на синхронном аспекте рассмотрения данного языкового явления. В поле исследовательского внимания попадают слова с "живой" внутренней формой. На материале сопоставления наименований жилищ русского и китайского языков обнаруживаются как сходные, так и различные черты внутренней формы слова в обоих языках.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/3-2/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(57): в 2-х ч. Ч. 2. С. 147-150. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

16. Walker Sh. Vladimir Putin Drafts Peace Plan for Eastern Ukraine [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theguardian.com/world/2014/sep/03/ukraine-russia-reach-ceasefire-agreement-kiev> (дата обращения: 21.01.2016).
17. Williams C. J. Will Jet Crash Cause Putin to Draw Back in Syria? Not Likely, Analysts Say [Электронный ресурс]. URL: <http://www.latimes.com/world/europe/la-fg-russia-syria-backlash-20151108-story.html> (дата обращения: 21.01.2016).

**ON ONE OF THE TYPES OF REFERENTIAL MANIPULATION IN THE ENGLISH MEDIA-DISOURSE
(BY THE EXAMPLE OF THE TEXTS ON RUSSIAN-UKRAINIAN RELATIONS)**

Sal'nikova Yuliya Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Mishko Alena Aleksandrovna
Amur State University named after Sholom Aleichem
js-77@mail.ru; mail.super_alena.ru@mail.ru

The article analyzes linguistic peculiarities of manipulative influence in the English media-discourse on Russian-Ukrainian relations. The paper provides the analysis of the strategies, tactics and techniques used in the chosen media-sphere under referential manipulation. Informational and analytical publications in the newspapers *The Guardian*, *The New York Times*, *The Los Angeles Times*, *The Washington Post* for the period of 2014-2016 served as the material for research.

Key words and phrases: media-discourse; referential manipulation; factological manipulation; strategy; tactics; technique.

УДК 811.161.1-115+811.581-115

В статье на материале двух типологически различных языков – русского и китайского – анализирует такое языковое явление, как внутренняя форма слова. Автор сосредотачивает внимание на синхронном аспекте рассмотрения данного языкового явления. В поле исследовательского внимания попадают слова с «живой» внутренней формой. На материале сопоставления наименований жилищ русского и китайского языков обнаруживаются как сходные, так и различные черты внутренней формы слова в обоих языках.

Ключевые слова и фразы: внутренняя форма слова; сопоставительная семасиология; тематическая группа; наименования жилищ; русский язык; китайский язык.

Селезнева Наталья Викторовна
Новосибирский государственный технический университет
xie-ling@yandex.ru

**К ВОПРОСУ О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ СЛОВА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ ЖИЛИЩ)**

Одной из наиболее важных семасиологических задач на сегодняшний день остается сопоставительное исследование семантики эквивалентных лексических единиц двух типологически различных языков – русского и китайского. Сопоставительный анализ лексики русского и китайского языков позволяет выявлять специфику восприятия одинаковых и соотносительных объектов реального мира представителями русской и китайской лингвокультур, дает возможность говорить об особенностях мировидения, мировосприятия и оязыковлени окружающей действительности.

Существует точка зрения, согласно которой основанием сопоставительного изучения семантических структур разных языков может служить внутренняя форма слова (ВФС). Так, Т. С. Нифанова пишет, что «сопоставительно-семасиологическое исследование языков, проводимое с учетом внутренней формы слова, способствует выявлению национальной специфики отражения знаний о мире в различных языках» [8, с. 30].

Идея о внутренней форме языка была высказана в трудах В. фон Гумбольдта [5], которая в последствие была развита в работах А. А. Потебни, и связана со словом. А. А. Потебня понимал под внутренней формой «ближайшее этимологическое значение слова», справедливо отмечая, что «слово собственно выражает не всю мысль, принимаемую за его содержание, а только один ее признак». А. А. Потебня считал, что процесс формирования той или иной лексемы репрезентируется во внутренней форме слова, и указывал на связь между ее структурой и содержанием: «...внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [9].

Внутренняя форма слова является одним из феноменов языка, в отношении которого у лингвистов нет единого мнения. Многие лингвисты под ВФС понимают идеальную, смысловую категорию. Так, В. Г. Гак понимает под ВФС образ, легший в основу наименования; А. И. Федоров – признак, по которому назван предмет; Л. Р. Зиндер – семантическую структуру знака; Н. И. Миригина – признак представления референта [Цит. по: 1, с. 47]; Б. А. Серебренников – осознание основы наименования; Р. А. Будагов – способ выражения понятия через слово; К. А. Левковская – способ передачи понятия через значение, связанное со звучанием соответствующими словами; О. И. Блинова – морфо-семантическую структуру слова,

позволяющую осознать связь его звучания (лексемы) и значения (семемы) [Цит. по: 13, с. 124]. Мы будем придерживаться определения Ю. В. Фоменко, который понимает под ВФС «первоначальный признак, легший в основу названия» [14, с. 31].

ВФ является динамичным явлением: слова с прозрачной «живой» ВФ могут становиться словами со стёртой ВФ [7]. Если данный признак осознается носителями языка, то ВФ можно считать «живой», если же первоначальный признак, мотивировавший номинацию, утерян, то ВФ считается стёртой. Именно поэтому явления ВФС может рассматриваться, как в синхронном, так и диахронном плане. Синхронное рассмотрение предполагает анализ слов с «живой» ВФ, а диахронное – изучение *этимона* – первоначальной ВФ, которая уже не осознается носителями языка и реконструируется при помощи этимологических словарей.

На материале русского и китайского языков И. А. Фролова и Ли Чуань выявили три типа ВФС: словообразовательная ВФ, эпидигматическая ВФ и идеографическая ВФ [15, с. 423-424].

Полагаем, что идеографический тип ВФ, свойственный китайскому языку в большей степени относится к диахроническому плану рассмотрения феномена ВФ. Так, И. А. Фролова и Ли Чуань относят ВФ к идеографической, когда «на мотивированность наименования указывает передающее его написание (*сочетание иероглифов*, иероглиф или его части)» [Там же] (*курсив автора – Н. С.*). Обращает на себя внимание формулировка *сочетание иероглифов*, которое предполагает наличие более одного иероглифа в составе слова, т.е. слово является производной лексической единицей (за исключением слов типа 玻璃, 琉璃, 葡萄 и под.). Но производные слова следует рассматривать с позиций лексической ВФ. Следовательно, идеографическая ВФ может быть рассмотрена только на примере односложных слов китайского языка, как взаимосвязь значения слова и составляющих его графем.

Говоря об идеографической ВФ, необходимо вспомнить традиционную классификацию иероглифов, которые подразделяются на шесть категорий: пиктографические, указательные, идеографические, фонетические, видоизмененные и заимствованные. Так, иероглифы, относящиеся к *пиктографическим*, *указательным* и *идеографическим* категориям, будут иметь более прозрачную ВФ, поскольку графемы, составляющие иероглиф, непосредственно изображают тот объект, который называют, например: 户 / «дверь» (первоначально изображал створку дверей), 宫 / «дворец» (первоначально изображал несколько пещер, вырытых в утесе; в последствии из пиктографического иероглифа перешел в категорию идеографических и стал записываться графемами со значением крыша, строение и множество комнат) [17, с. 242] и др.

Большинство иероглифов современного китайского языка относятся к *фонетической* категории и могут считаться частично мотивированными, поскольку графема-ключ в составе данных иероглифов соотносит значение данного знака с некой тематической областью, например: 阁 / «дворец, терем» (состоит из графемы-ключа 门 / «дверь, ворота», которая относит иероглиф 阁 к тематической области и графемы-фонетика 各, которая указывает на чтение). Затемнённая или стёртая внутренняя форма тех или иных иероглифов может быть обусловлена упрощением написания с полным или частичным изменением входящих в его состав графем.

Следующий тип ВФС в русском и китайском языках, отмеченный И. А. Фроловой и Ли Чуань, – словообразовательный [15, с. 423-424], который следует рассматривать на материале производных слов обоих языков. В современном китайском языке статистически доминирующими считаются двусложные слова, т.е. слова производные. О. П. Ермакова и Е. А. Земская отмечают, что наличие внутренней формы есть «типическая и важнейшая черта производного слова как сложного знака действительности. Именно производные слова в первую очередь наделены ВФ» [6, с. 518].

Словообразовательная ВФ в полной мере присуща как русскому, так и китайскому языкам. Однако данный тип ВФ в обоих языках имеет свою специфику. Словообразовательная ВФ в русском языке может иметь две разновидности, названные в работах О. И. Блиновой «лексической и структурной мотивированностью» [1; 2].

Лексическая мотивированность основана на осознании выраженности в слове мотивировочного признака обозначаемого (мотивация «слева»). Она обнаруживается словом-конкретизатором, или мотивирующим однокорневым словом с предлогом или без предлога. Структурная мотивированность основана на осознании выраженности в слове классификационного признака (мотивация «справа») и выявляется словом-идентификатором и одноструктурным словом, содержащим ту же формантную часть, что и у мотивированного слова справа [2, с. 123-124]. О. И. Блинова также пишет о полимотивированных словах, которые сочетают в себе лексическую и структурную мотивированность. Например: ДОМ, ДОМ-ик, ДОМ-ок, ДОМ-ишко, ДОМ-ище; 房, 房间, 房子 – лексическая мотивированность, выраженная общим корнем ДОМ- и 房- и дом-ОК, закут-ОК, терем-ОК; 房子, 屋子, 宅子 – структурная мотивированность, передающаяся посредством суффикса -ОК- и -子.

Что касается китайского языка, то доля слов, образованных путем аффиксации, не столь велика, как в русском языке. Статистически доминирующим способом образования слов является словосложение, предполагающее «относительно равный статус составных частей» [11, с. 134], морфемы которых связаны отношениями различных типов: атрибутивными, сочинительными, глагольно-объектными, глагольно-дополнительными, субъектно-предикативными [16].

Наш лексический материал показал, что среди китайских наименований жилищ преобладают слова, образованные по атрибутивной модели, в которой вторая часть сложного слова обозначает предмет, а первая – качественный, количественный или относительный признак предмета [4, с. 33]. Нами было зафиксировано 249 атрибутивных морфем, которые были разделены на четыре группы [10]. Приведем несколько примеров

фиксации мотивировочного признака: материал (石闾 / камень + терем = горная обитель небожительницы; 瓦房 / черепица + дом = дом с черепичной крышей; 玉楼 / нефрит + терем = 1) роскошное здание; 2) дворец небесного императора; 3) публичный дом); локализация в пространстве (山房 / гора + дом = дом в горах; 后宫 / позади + дворец = внутренние покои, женская половина дворца; 内室 / внутри + комната = спальня); форма (穹庐 / конусообразный + жилище = юрта; 板楼 / доска + многоэтажный дом = многоэтажный дом, похожий на доску); цвет (红房 / красный + дом = красный терем; 紫宫 / пурпурный + дворец = императорский дворец; 黄金阙 / золотой + башня = Лунный дворец) и др.

Следующим типом ВФ, выявленным И. А. Фроловой и Ли Чуань [15, с. 424], является эпидигматическая ВФ, свойственная словам, вторичные значения которых появились в результате семантического развития исходной лексемы. Примером могут служить переносные наименования жилищ в обоих языках: берлога, гнёздышко, логово, нора, клоповник, свинарник, скворечник и др. – в русском языке и 猪窝 / свинья + гнездо = свинарник; 天宫 / небо + дворец = 1) небесный дворец, 2) императорский дворец; 琳宫 / яшма + дворец = 1) чертоги небожителей, 2) даосский монастырь; 仙宫 / бессмертный + дворец = 1) дворец небожителей, 2) императорский дворец и др. – в китайском языке. Обращает на себя внимание направление метафорического переноса с наименований жилищ животных на наименования жилища человека в русском языке и меньшую значимость аналогичного переноса в китайском языке. Это обусловлено тем, что сема «опрятность» в лексических значениях китайских наименований жилищ является менее значимой, чем в русских, что было выявлено в ходе компонентного анализа наименований жилищ в русском и китайском языках. В китайском языке зафиксирован иной вектор метафорического переноса – с наименований жилищ бессмертных и небожителей на наименования императорских дворцов и монастырей. Это связано с тем, что император в Китае считался сыном Неба, а монахи (даосские) активно занимались поисками вечной жизни и часто становились героями мифов и легенд о достижении бессмертия.

Синхронное изучение ВФ производных слов русского и китайского языков наглядно демонстрирует одну особенность – в китайском языке у слов, образованных по модели словосложения, мотивировочный признак передается обеими морфемами, в то время, как в русском языке только корневой; а классификационный признак, фиксирующийся в аффиксах, в большей степени характерен для производных слов русского языка, нежели китайского. Это обусловлено не только типологическими различиями двух языков, но и различиями в когнитивных процессах у носителей русского и китайского языков. Н. А. Спешнев, ссылаясь на работы отечественных и зарубежных учёных, делает обобщение, что «...левое полушарие, отвечающее за абстрактное мышление, у китайцев развито слабее, чем правое, где доминирует образное мышление, символика и т.п.» [12, с. 41]. Данная особенность проявляется в механизмах заимствования иностранных слов. Если в русский язык иноязычное слово входит в основном путем фонетического заимствования (*апартаменты, мезонин, пентхаус, таунхаус, отель* и др.), где звучащее слово не связано у носителей русского языка с его ВФ, но постепенно обрастает классификационными признаками, становится структурно мотивированным (ср. *апартамент-ИКи, мезонин-ЧИК, отель-ЧИК* и под.), то в китайском языке преобладают структурно-семантические кальки, которые передают не звучание, а значение заимствованного слова, переводят компоненты значения, а зачастую и тот признак, который послужил основой для номинации (*顶楼 / крыша + здание = пентхаус; 屋顶房间 / крыша дома + комната = мезонин; 联排别墅 / соединять + загородный дом = таунхаус* и др.).

Подводя итог, сделаем следующие выводы. Во-первых, сопоставительный анализ понятия внутренней формы на материале слов русского и китайского языков обнаруживает как сходства, так и различия в трактовке данного термина. Во-вторых, большее количество слов с «живой» ВФ в китайском языке позволяет анализировать механизмы мотивации, свойственные китайскому языку, а изучение лексических единиц, являющихся наименованиями жилищ в русском и китайском языках, дает представление «...о мировидении, мироощущении и мирозерцании народа (именно на этом основывается общность для всех членов этноса картины мира и возможность взаимопонимания)» [3, с. 27]. Кроме того, изучение феномена внутренней формы слова на материале типологически различных языков может служить интересным материалом для изучения мировоззренческих особенностей носителей русского и китайского языков.

Список литературы

1. Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты. Изд-е 3-е, испр. и доп. М.: КРАСАНД, 2010. 304 с.
2. Блинова О. И. Языковое сознание и вопросы теории мотивации // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 122-126.
3. Вендина Т. И. Словообразование как способ дискретизации универсума // Вопросы языкознания. М., 1999. № 2. С. 27-50.
4. Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка. М.: Просвещение, 1989. 318 с.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 394 с.
6. Ермакова О. П., Земская Е. А. Сопоставительное изучение словообразования и внутренняя форма слова // Известия АН СССР. Сер. Литература и язык. 1985. № 6. С. 518-525.
7. Маслов Ю. С. Введение в языкознание [Электронный ресурс]. М.: Высшая школа, 1997. 272 с. URL: <http://www.classes.ru/grammar/120.Maslov/html/5.html> (дата обращения: 04.01.2014).
8. Нифанова Т. С. Сопоставительное описание семантических единиц разных языков. Архангельск: Помор. гос. ун-т, 2004. 295 с.
9. Потеня А. А. Собрание трудов. Мысль и язык [Электронный ресурс]. М.: Лабиринт, 1999. 300 с. URL: <http://www.classes.ru/grammar/147.Potenyay/source/worddocuments/vii.htm> (дата обращения: 04.10.2013).

10. Селезнева Н. В. Национально-культурная специфика тематической группы «наименования жилища» в китайском языке // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 17. Ч. 1. С. 101-107.
11. Семенов А. Л. Лексика китайского языка. М.: Муравей, 2000. 312 с.
12. Спешнев Н. А. Особенности национальной психологии. СПб.: КАРО, 2012. 336 с.
13. Трофимова Е. Б., Трофимова У. М. Общее в частном: фонетические и лексические единицы в пространстве языка: монография. Бийск: НИЦ БПГУ им. В. М. Шукшина, 2003. 173 с.
14. Фоменко Ю. В. Современный русский литературный язык. Лексикология. М.: Флинта; Наука, 2015. 172 с.
15. Фролова И. А., Ли Чуань. Внутренняя форма как выразитель историко-культурологического содержания лексических единиц // Русский язык в контексте межкультурной коммуникации: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2011. С. 422-424.
16. Хаматова А. А. Словообразование современного китайского языка. М.: Муравей, 2003. 224 с.
17. 古代汉语字典. 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2005. 1125页 / Словарь иероглифов древнекитайского языка. Пекин: Шаньху иньшугуань, 2005. 1125 с.

**ON THE ISSUE OF AN INNER FORM OF A WORD IN THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES
(BY THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND CHINESE NOMINATIONS OF DWELLINGS)**

Selezneva Natal'ya Viktorovna
Novosibirsk State Technical University
xie-ling@yandex.ru

By the material of two typologically different languages – Russian and Chinese – the author analyzes such a language phenomenon as an inner form of a word. The attention is focused on the synchronous aspect of consideration of this language phenomenon. Words with a “live” inner form come into the area of research attention. Similar and different features of an inner form of a word in both languages are found out by the material of comparison of the dwellings nominations of the Russian and Chinese languages.

Key words and phrases: inner form of a word; comparative semasiology; thematic group; the nominations of dwellings; the Russian language; the Chinese language.

УДК 811.163.2'38

В статье рассматривается отражение определенных культурологических представлений о времени в поэтическом тексте (на примере поэзии П. К. Яворова). Обращается внимание на то, что нечеткие терминологические границы осложняют интерпретацию «времени» как философского понятия, литературного концепта, текстовой категории и др. Предлагается введение и использование термина «темпорально-модальный комплекс» для обозначения совокупности языковых средств, формирующих в тексте представление о времени.

Ключевые слова и фразы: текстовая категория; время; темпорально-модальный комплекс; темпоральный рисунок; поэтический текст; П. К. Яворов; болгарская литература.

Сивенкова Наталья Владимировна
Санкт-Петербургский государственный университет
n.sivenkova@gmail.com

**КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВРЕМЕНИ И ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ:
ВРЕМЯ В ТЕКСТЕ И ТЕКСТ ВО ВРЕМЕНИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЭЗИИ П. К. ЯВОРОВА)**

Целью данной работы является обращение к терминологическому «инвентарю», используемому для анализа такой сложной категории, как «время» и актуализация тех терминов, без которых невозможно рассмотрение понятия «время» в поэтическом тексте. Предлагается введение терминов «темпорально-модальный комплекс» и «темпоральный рисунок» при описании структуры поэтического текста.

Время (объективно данная форма существования материи) отнюдь не является многообразным по своей природе: оно одно, и человек не в силах изменить его. Однако представлений о времени, так называемых «концепций времени», весьма много: время «делят» на мирское и ритуальное, объективное и субъективное, на линейное и циклическое, абстрактное и содержательное и т.д. Выделяют время физическое, геологическое, биологическое, социально-психологическое. «Различают время объективное (физическое) и субъективное (психологическое); художественное, библейское, декретное и др.» [3, с. 78].

Одним из древнейших представлений о времени является циклическое, связанное с наблюдениями над чередованиями, происходящими в природе: само слово «время», однокоренное с «веретеном», указывает на совершение неких оборотов, на наличие некоего объекта, который вертится, вращается. С циклическим представлением